Коул придвинул удобное кресло. Он поставил его перед ней примерно в шести футах и сел, что вернуло ее внимание к нему. Он подождал несколько мгновений, чтобы посмотреть, будет ли она хранить молчание, как было велено. Моника смотрела примерно на его ноги, что, как он надеялся, было признаком подчинения. На ней была короткая куртка в стиле бомбер поверх белого топа, поэтому следующее, что он сказал, было: "Спасибо, что пришла, малышка. Сними свой пиджак и повесь его на стул позади себя"

Моника подчинилась и вернулась на свое место в середине комнаты. Коул был очарован ее инстинктивной покорностью. Возможно, у нее было больше опыта в этой игре, чем она признавала.

"Положи руки за голову".

Взгляд Коула неумолимо был прикован к груди Моники, и он пристально изучал их. "Опусти руки", - сказал он, затем "Заведи их обратно за голову".

Он заметил, что ее грудь не обвисла так, как следовало бы для 26-летней женщины с такой фигурой.

"Какой у тебя размер бюстгальтера, Моника?"

Она почувствовала, как восхитительная волна унижения захлестнула ее, и попыталась сопротивляться чтобы сказать свой ответ. "У меня 36C, хозяин".

"У тебя есть грудные имплантаты, малышка?"

"Нет Хозяин!" - воскликнула она.

"Сними свой топ, и мы посмотрим на это. Положи это на стул рядом со своим пиджаком."

Моника стянула с себя белый топ, схватив его снизу и стянув через голову. Положив его на стул, она заняла прежнюю позицию перед Коулом, опустив руки по бокам.

Коул шагнул вперед, чтобы осмотреть ее грудь, и убрал с дороги прядь ее красивых длинных каштановых волос. С опущенными руками они действительно слегка провисли. Соски были среднего размера и уже довольно твердые. Это была красивая пара, возможно, самая красивая грудь, которую он когда-либо видел. На ум пришло слово "задорная", но он не знал, можно ли применить "задорную" к груди такого размера. Возможно, ему следует отправить вопрос консультанту Playboy по электронной почте, подумал он, подавляя усмешку. Он очень деликатно провел кончиками пальцев по ее соскам, и они стали еще тверже.

"Снова заведи руки за голову", - приказал он своим властным голосом, который Моника нашла одновременно очаровательным и неотразимым.

Он начал сжимать и ласкать идеальные шарики, одновременно осматривая их на предмет каких-либо хирургических шрамов. Через минуту или две Моника почувствовала головокружение от стимуляции и слегка пошатнулась. Восхитительное чувство унижения не помогало.

"Ты прошла испытание, малышка. Это самые красивые груди, которые я когда-либо видел. Теперь опусти руки и сделай глубокий вдох. Мы же не можем допустить, чтобы ты сейчас потеряла сознание, не так ли?"

"Нет, учитель".

Коул снова сел и попытался сам сделать несколько глубоких вдохов. Может ли потенциальный партнер быть слишком совершенным? Он чувствовал себя слегка ошеломленным.

Через некоторое время он приказал: "Сейчас же сними джинсы и положи их на стул".

Моника подчинилась и заняла свое место, теперь одетая в кружевные белые трусики и черные туфли на высоких каблуках. По собственной инициативе она закинула руки за голову, чтобы выпятить грудь в манере, которая, казалось, нравилась ее новому хозяину.

Хотя Коул был большим поклонником груди, вид идеально округлых бедер Моники и плоского живота чуть не заставил его сердце остановиться. У нее была татуировка над правой тазовой костью, которую он передвинул вперед чтобы исследовать. Это оказалась маленькая обнаженная женщина, которую можно было бы описать как крылатую нимфу. Это было изысканно, возможно, работа известного татуировщика. "Надо будет спросить ее об этом позже", - подумал он. Коул вернулся к своему креслу и просто смотрел на нее несколько минут, упиваясь опьяняющим зрелищем.

Его осмотр ее тела дал разгадку еще одной тайны. Хотя в ней не было ни грамма того, что он счел бы излишеством веса, она была немного ширококостной и с крепкой мускулатурой под своими изгибами. Ее заявленный вес в сто сорок фунтов, вероятно, был точным, но большинство людей предположили бы, что это примерно на двадцать фунтов меньше. Он был в восторге от того, что она не походила на голодающих манекенщиц, но он мог понять, как она могла беспокоиться о том, что не соответствует стандартам общества.

"Ты часто поднимаешь тяжести, Малышка?"

"Да, учитель. Три или четыре раза в неделю."

«Понимаю. Сними свои трусики и брось их на пол."

Моника быстро сбросила трусики на пол позади себя, обнажив свой идеально выбритый лобок. Затем она закинула руки за голову и слегка раздвинула ноги.

«Откуда она узнала, что я люблю бритую пизду?» подумал Коул, изо всех сил пытаясь нормально дышать. К счастью, Моника смотрела в пол и не подозревала о его затруднении.

"Когда ты начала брить свою пизду, малышка? Я не помню, чтобы приказывал тебе сделать это."

"Я всегда так делала, сэр. Если Вам это не нравится, я могу перестать бриться, но для меня это было бы очень странно".

Он знал, что его голос дрожал, когда он сказал: "В этом не будет необходимости. Продолжай держать себя в руках. Мне это нравится". Он заметил, что у нее легкий загар без морщин. В Сиэтле это означало примерно один сеанс загара в неделю.

Сделав паузу, чтобы собраться с мыслями, Коул сумел спокойно отдать свой следующий приказ глубоким голосом, которому позавидовал бы диктор радио. "Я сказал, что ты будешь наказана, если опоздаешь. Нам придется позаботиться об этом, прежде чем мы сможем начать твое обучение. Встань на колени вон на тот табурет, затем наклонитесь вперед и положите ладони плашмя на пол." Он с облегчением увидел, что его командный голос теперь работает хорошо.

Моника думала, что упадет в обморок от волнения. Ни один из ее предыдущих мужчин не обращался с ней подобным образом. Это было так, как будто ее самая большая фантазия воплощалась в реальность, и она надеялась, что это закончится не слишком скоро. Она задавалась вопросом, заметит ли ее Хозяин легкую струйку смазки, начинающую стекать по внутренней стороне ее левого бедра. Ведь она позволила себе возбудиться или была бы наказана за это?

Моника пересела на мягкую скамеечку для ног примерно в фут высотой и два фута в поперечнике. Опустившись на колени, разведя колени в стороны и свесив ступни со спинки стула, она наклонилась вперед в талии, чтобы положить ладони на пол. Ее идеальная попка была представлена в самой непристойной и уязвимой манере. Ее дыхание было учащенным, а кожа раскраснелась.

http://tl.rulate.ru/book/2737/64120